

Весь Краснодон знал об аресте коммуниста Валько и, других большевиков и беспартийных рабочих-шахтеров и служащих.

С первого же дня прихода немцев они наотрез отказались работать с ними и в лицо немцам говорили о ненависти и презрении к фашистам.

Вместе с этими мужественными людьми арестовали женщин, забрали и детей. Мы видели, как их, голодных и измученных, немцы под усиленным конвоем водили по улицам на работы.

Однажды Олег видел их на работе. Проходя мимо железной дороги, проложенной от шахты к тресту, он наткнулся на знакомого товарища. Конвоира близко не было, они разговорились.

Товарищ Олега, оборванный, худой, как скелет, еле держась на ногах, перетаскивал шпалы.

— Олег, — слабым голосом сказал он, — мы все умираем с голоду. Ребятишек очень жалко...

И он начал рассказывать, как над ними издеваются в гестапо. В арестном помещении людей набито столько, что сесть негде, все стоят целыми ночами, спят стоя. В уборную не выпускают. Грязь, вонь, мухи. Иногда немцы бросают в камеры сырые кабачки, и арестованные делят их по семечкам.

— Бежим! — прошептал Олег.

Но товарищ покачал головой:

— Спасибо тебе, но если я убегу, остальным хуже будет. Да и не дойду я. Сил нет совсем... Олег, вон, в том огороде, свекла растет. Если я ее сам сорву, меня избыют до смерти, да и всем попадет...

Олега не нужно было просить дважды. Он пополз к огороду, вырвал из земли свеклу и отдал товарищу. Потом со всех ног побежал домой, забрал весь хлеб, что у нас был, и принес его арестованному.